АЗБУКА ВЕРЫ

Рассказ православной христианки из Дагестана

Рассказ православной христианки из Дагестана – материал раздела «Мой путь к Богу» православного портала «Азбука веры».

Оригинал и другие материалы: azbyka.ru/way/rasskaz-pravoslavnoj-hristianki-iz-dagestana

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект, все материалы которого доступны бесплатно. Поддержать портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Рассказ православной христианки из Дагестана

– Здравствуйте, в эфире передача «Мой путь к Богу» о тех людях, которым на пути ко Христу пришлось многое переосмыслить, от многого отказаться, многое изменить в своей жизни. О том, что движет этими людьми, что даёт им силы, мы беседуем с нашими гостями. Сегодня у нас в гостях Сусанна, она представительница одного из малочисленных народов нашей страны. Расскажите, пожалуйста, несколько слов о себе.

– Здравствуйте, отец Георгий. Я представительница народности малочисленной – рутулы, это одна из национальностей Дагестана, из тридцати трех официально заявленных. Общая численность, по-моему, около ста тысяч человек. Вот так сложилось, что я стала православной.

– Как это началось, Вы родились и выросли в Дагестане, или в Москве, или в другом месте?

– Родилась и выросла я в Казахстане и прожила там примерно четырнадцать лет, после чего мои родители приняли решение переехать в Дагестан, на свою историческую родину. Для меня это, конечно, был такой болезненный очень период моей жизни, но мы переехали, и я прожила там десять лет, после чего уже уехала, и на какие-то такие длительные сроки не возвращаюсь.

– У Вас семья была светская или религиозная?

– Вы знаете, у меня такая абсолютно атеистическая, я бы сказала, семья. Причем отец мой, он такой, очень коммунист, и он совершенно всегда как-то негативно, категорично относился ко всем разговорам, даже о каких-то священных обрядах. Если что-то нужно было дома, скажем, позвать муллу или кого-то, это для него был всегда очень такой болезненный момент, и всегда это сопровождалось какими-то шутками, насмешками. А мама как-то достаточно спокойно относится к вопросам веры. Не могу назвать ее неверующей, но какой-то такой практикующей мусульманкой я бы ее не назвала.

– Как Вы себя с такого подросткового возраста самоосознавали: как верующего человека, как неверующего, с чего начались какие-то духовные поиски у Вас и размышления?

– Так сложилось, что у меня всегда были подруги – девочки, русские, и у них мамы почему-то стабильно всегда были очень верующие. И если взять мое детство, то у моей подруги была верующая очень мама, и в какой-то момент, она (я сейчас это понимаю) стала свидетелем Иеговы. И вот к ней приходил такой мужчина, который проводил какие-то с ней беседы. И естественно, что какие-то вопросы вероисповедания конкретно мы чего-то не понимали, но нам он рассказывал что-то из Нового Завета, и вот эти истории как-то у меня, видимо, в голове откладывались. И еще такие вот детские впечатления, которые остаются: я помню, что, наверное, еще во втором или в третьем классе, в школе я слышала, что Бог – Он еврей, и вот это почему-то у меня очень сильно отложилось, я не знаю почему, я не могла толковать или каких-то умозаключений я не делала, но это при мне осталось. И вот так протекало мое там детство – всегда с верующими мамами моих подруг. Могу сказать, такой был момент бунтующего духа в детях. Свидетели Иеговы запрещают кресты, символичные изображения – они все это запрещают, и естественно мама через какое-то время все кресты и все иконы собрала и положила на далекую полочку. Мы с моей подругой, когда они там уединились

пообщаться, достали все это и в коридоре все это развесили, спрятались в ванной комнате и ждали реакции. Я не знаю, что это у нас было, но мы вот так делали. И вот как-то постепенно-постепенно, может быть, даже неосознанно все это продолжилось. А когда я переехала в Дагестан, пошла в школу, был такой очень тяжелый период адаптации. И тоже познакомилась с девочкой, которая стала моей лучшей подругой. Мы до сих пор очень близко общаемся, несмотря на то, что она уже лет десять, наверно, живет за границей. И вот ее мама тоже была человеком верующим и как-то нас к этому приобщала. Но это было совершенно не насильно, нас никто не сажал, не пытался нам рассказать, что истина в православии и так далее. Но тот дух любви, прощения, всегда присутствовал, и мы, дети, к этому тянулись. То есть все свободное время мы проводили дома, не ходили куда-то погулять – хотя не без этого было, но нам было хорошо дома. Какая-то любовь царила в обществе этих верующих мам, и, наверное, дети это как-то чувствуют и тянутся. Помню момент, когда в классе девятом, может быть, с моей стороны это было не совсем осознанно, но мне хотелось креститься. И по логике вещей мама моей подруги должна была стать моей крестной матерью. Но потом получилось так, что побоялись, потому что решили что все-таки я ребенок, и если вдруг узнают мои родители, это может вылиться в какой-то скандал. Меня это где-то обидело, но я не стала настаивать, и мы как-то это все оставили.

– И когда Вы сознательно, самостоятельно пришли к крещению, с чем это было связано?

– Снова повлияли хорошие люди, что называется, но верующие. Я жила тогда в Санкт-Петербурге, работала у одного человека, такого, строптивого характера, достаточно, но у него была замечательная жена, которая проявляла какое-то такое внимание, любовь просто так. Знаете, человеку светскому это как-то странно – то есть, вот, просто так человек заботится о тебе, просто так спрашивает, как твои дела, то есть проявляет какую-то христианскую любовь, которая чувствуется, что она какая-то другая. Это не за что-то тебя любят, а просто так, просто за то, что ты есть – и это не то чтобы подкупает, но ты понимаешь, что имеешь дело с чем-то таким, непривычным для тебя. И помню, она просто спросила: «А ты вообще какого вероисповедания?» Я говорю: «Вы знаете, я собственно, точно не мусульманка». Потому что, что касается мусульманства, ислама, у меня всегда был прямо такой бунт против него. Я даже не знаю, с чем это связано, но у меня всегда был бунт. И когда я уже сама стала православной, подруги, которые меня знали, говорили: вот кто-кто, но вот то, что ты станешь верующей, мы бы никогда в жизни не подумали! Потому что у меня в силу того, что в Дагестане все-таки ислам в большинстве своем исповедуют люди, то у меня, соответственно, был всегда какой-то протест против всех. До сих пор не могу объяснить, с чем это связано, почему именно какое-то пристрастное отношение, даже бунт. И я тогда задумалась. Это был, может, 2008 год. Как-то постепенно-постепенно она советовала какие-то книги, какую-то литературу. Это был уже такой сознательный возраст, мне было уже 23-24 года, когда я вдруг стала понимать, что я не могу поверить, что живу, просто чтобы есть, просто чтобы пить – вот это претило моему сознанию, я не могла в это поверить, я не могла принять эту мысль, что я все свои силы душевные должна вкладывать вот в это, что это единственный смысл моей жизни. И вот какой-то такой болезненный момент начался с моим окружением: какие-то не то чтобы конфликты, но уже непонимание. Когда есть человек, который поддерживает, помогает тебе, ты понимаешь, что кто-то разделяет твои какие-то духовные поиски, то ты начинаешь просто постепенно что-то в своей жизни менять. Так я стала читать какую-то литературу – не могу сказать, что я сразу сознательно пришла к православию. Было, знаете, такое понимание, что вот Иисус Христос – да, но тогда даже и слова «истина» я не могла четко озвучить. Потому что однажды она спросила: «Почему ты выбрала православие?» Я говорю: «Ну, потому что это Иисус Христос». То есть было чёткое понимание, что вот таких больше нет, что Он единственный, но это все было неосознанно. Потом, естественно, начались увлечения

восточными учениями. Я очень стала увлекаться ведической культурой, я пыталась даже заниматься йогой. Но это все как-то потихонечку стало отваливаться, как-то само себя изживать. Не то чтобы я поняла, что это какое-то заблуждение, я не туда пошла, но вот просто в какой-то момент это перестало тебя наполнять. И в одной из лекций по ведической культуре сам лектор сказал следующую фразу: «Когда пришел Иисус Христос, Он перевернул жизнь планеты». И вот эти слова, хотя они для него, может быть, не имели такой смысловой нагрузки, я уже была причем крещеная, ходила потихонечку в храм, – но вот эти слова меня вдруг как-то очень сильно заставили очнуться. Я поняла, что я как блудный сын, то есть ты имеешь отца, но ходишь куда-то за чем-то другим. Это был болезненный такой момент, но усилием воли я исповедовала этот грех и поняла, что за это Господь мне стал открывать что-то другое. И каждый раз приходилось усилием воли что-то отсекать, от чего-то отказываться, и все дальше и все больше Господь мне открывал Себя.

– Кстати говоря, это очень важный момент, потому что некоторые люди говорят: ну почему мне Господь не является; или почему уже даже у верующих не бывает таких открытий? Именно потому, что человеку, который, грубо говоря, хочет узнать истину просто лежа на диване, она не откроется. По мере того как человек делает шаг по отношению к Богу, – что значит шаг по отношению к Богу – это вроде красивое слово, но что за ним стоит? За ним стоит как раз то, что Вы упомянули: акт некого самопожертвования. Это не значит, что нужно сразу пойти и умереть ради Бога – это дар, это бывает редко с кем. Но акт, допустим, доверия или акт изменения жизни своей, или того в своей жизни, или того в своем мировоззрении, что не соответствует воле Божией, отказ от этого – вот такая жертва и становится тем шагом к Богу, на который Бог отвечает двумя шагами к нам, и в котором как раз чем больше мы к Нему подходим, тем больше мы Его постигаем, тем больше мы постигаем Его действия в мире и в нашей жизни тоже.

– Именно попробовав это, однажды ты просто понимаешь, что Господь тебя слышит, Он настолько близко. И Вы правильно сказали: если ты сделаешь один шаг, Он сделает к тебе десять шагов навстречу. И вот такой бунтарский, немножечко, дух мне помогал в данном случае чем-то жертвовать. Может быть, со стороны казалось, что я очень категорична, что я слишком экзальтированна, я из одной крайности в другую, но вот он в данном случае мне помогал. Помогал от чего-то очень жестко отказываться, говорить себе «нет», не объясняя себе, не делать каких-то умозаключений, а просто сказать себе «нет», если Церковь говорит, что это вред. Правильно Вы сказали: довериться. Это может быть сначала очень болезненный момент, но потом ты понимаешь, что Господь тебя не обманывает, ты можешь Ему доверять, и как-то постепенно ты становишься спокойным и доверяешь Богу уже в таких вопросах, в которых, может быть, раньше никогда бы не рискнул. Одна из подруг моей мамы (я еще была некрещеная) захотела пойти к Матронушке, и, как-то, я пошла с ними. У Матронушки всегда что-то просят, это стабильно. Я долго думала: чего же мне такого попросить? И я попросила, чтобы она меня к Богу привела. Я понимала, что все остальное второстепенно. Я просто ходила в свой храм, в один момент я поняла, что, ну хожу я – ну я же должна что-то делать, в конце концов. И вот я подошла, попросила, может быть, что-то мне дадут, чтобы я могла что-то сделать в храме. И мне сказали: «Вы знаете, вот у нас там есть одна икона, подсвечник около неё, она в притворе и поэтому там никто не стоит во время службы». Это была икона Матронушки. И Вы знаете, в такие моменты ты понимаешь, что Бог тебе отвечает. Ты просишь, и Он тебе очень явно дает понять, что Я тебя слышу, Я рядом. Я помню, что испытывала такую радость на душе, стою и протираю подсвечники, понимаю, что такой радости у меня никогда не было от такой простой работы. И однажды я подошла к своему священнику спросить, могу ли молиться за своих неправославных родителей, после чего он предложил мне работу в храме. Здесь снова сыграл вот такой категоричный дух, я сказала: «Конечно!» Я не понимала вообще

чего и как, просто да, я хочу. Он сказал: «Тогда Вы подождите меня там после службы, я к вам подойду». Это был отец Алексей Забелин, он служил тогда в храме преподобного Сергия Радонежского в Солнцево. Он подошел, мы поговорили и решили, что я выйду, предложил мне работу в лавке церковной . Я пришла и до сих пор помню первый момент. Мне хотелось показать, какая молодец, как я готова потрудиться для Церкви и в таком виде, и в этом – и я вдруг поняла, что здесь царит совершенно другая атмосфера. Если, скажем, за территорией храма ты должен быть самым первым, ты должен быть самым, то есть всех задвинуть назад и показать, что ты лучше всех, то здесь царит атмосфера любви. У кого ее больше, тот и первый, никто тебе этого не говорит, ты просто это сердцем понимаешь: тут совсем другие критерии первенства.

– Вы упомянули родителей. Как они Ваш выбор восприняли? Вы не скрывали от них то, что для Вас стало главным в жизни?

– В данном случае для меня это была тоже такое чудо Божие. Оно, может быть, со стороны кажется неприметным, но для меня это было важным моментом жизни, потому что я очень переживала, я не знала, как об этом сказать. Но потом я решила, что Господь все устроит. Я просто приехала в очередной раз домой, крестик я как-то не показывала и не понимала вообще, что говорить, я не говорила ничего. И тут мама мне рассказывает – знаете, мамы очень переживают, когда ребенок далеко и они становятся особо чуткими, что ли, я не знаю, как это у них получается, – она говорит, что я была в гостях и разговорилась с женщиной, у которой была, и та говорит мне: «Ты не переживай за дочку». Она говорит: «Ну, как не переживать?» Я тогда получала еще одно образование, мне было очень тяжело, я работала и училась. Та говорит: «Ты не переживай, Ангел Хранитель о ней заботится». Она говорит: «Ну, у всех есть Ангел Хранитель» – «Так у нее христианский Ангел Хранитель!» Откуда она это понимала, или что она знала, я не знаю. Но вот в этот момент я вытащила крестик и просто его показала молча. Знаете, если сказать маме, что вот это помогает твоему ребенку – совершенно не важно, что это будет, она будет спокойна. По крайней мере, вот так обстоит дело с моей матерью, она совершенно спокойно на это отреагировала. И как-то вот так, ничего не делая, родители мои как-то узнали, что я крестилась. Но для них это было такое понимание, что вот повесила на шее крестик, ну можно зайти в храм и поставить свечку. И тут, когда уже я совсем стала по-другому мыслить, по-другому рассуждать, у неё даже был момент, когда она считала, что я попала в секту, то есть она очень переживала, не понимала вообще, что происходит, почему все, что для меня было раньше важным, теперь почему-то для меня неважно, и я постоянно езжу в монастыри, и да что это такое вообще… То есть был такой тяжелый момент. Но вот по прошествии какого-то времени я приехала домой, и родители сказали мне, что ты очень сильно изменилась, но эти изменения были отмечены в лучшую сторону, поэтому сейчас таких проблем нет. К тому же я могу сказать, что сестра моя стала обращаться к Богу, стала ходить в церковь моя мама, и постепенно, вроде бы, ничего им не говоря, не воздействуя на них словами, но обращаюсь за них к Богу, Господь как-то постепенно выстраивает в их жизни так, что они как-то сами потихонечку приходят. И сейчас с их стороны нет каких-то препятствий в мой адрес, все хорошо.

– Здесь как раз стоит тоже подчеркнуть, что Вы слышали в детстве: все-таки Бог не только для евреев, Он для всех людей Бог, превыше всех национальных различий каких-то. Поэтому каждый человек, который приходит к такому истинному богопочитанию, находит спокойствие и утешение для своей души. Я еще хотел бы также продолжить ту тему, которую Вы начали, а именно то ощущение бессмысленности жизни, которое Вы испытывали, когда жили в безверии – оно, насколько понимаю, прошло?

– Целиком и полностью прошло. И я хотела еще раз поднять вопрос о жертве, не знаю, почему

мне эта тема так близка. Я тогда училась во ВГИКе, получала второе образование, и для меня это было очень важно. Мне казалось, вот он – смысл моей жизни, вот то, чем я хотела бы заниматься. Потихонечку я ездила в монастырь – вроде бы ничем не обязывающие такие поездки, знаете, группа таких тетечек собирается, и вот они ездят в монастырь к батюшке, а почему бы не помочь там денежкой и просто вот как-то съездить, они далеко живут? Я с ними ездила. Но потихонечку все остальное себя как-то изживало, я понимала, что не в этом смысл жизни, все это какое-то пустое, не приносит какого-то удовлетворения внутреннего. А церковь стала как-то потихонечку все больше и все больше время и место в моем сердце занимать, и время в моей жизни занимать. И когда отец Алексей предложил мне работать, я уже очень категорично готова была отказаться от работы, от проекта, который должен был начаться в ближайшее время. На что отец Алексей сказал: «Вы не горячитесь, Вы не уходите, где работаете, все потихонечку». Надо сказать, я еле-еле дождалась конца этого проекта, после чего я уже не возвращалась в кино, и я работала какое-то время только в храме. И вот Господь все мне вернул. Вот все, что я пожертвовала, как мне тогда казалось, то, что было для меня важно, мучительно – все, что я Ему отдала, Он вернул мне абсолютно все, только совершенно в другом свете, но вернул. И я не чувствую, что я что-то отдала Ему безвозвратно, что у меня произошла такая жертва. Он мне вернул, но это наполнено совершенно другим смыслом, и я понимаю, что вот эта жертва необходима.

– Потому что она является знаком любви.

– Знаком любви и доверия.

– Потому что любви без жертвенности не бывает. Даже если мы говорим про какие-то мелочи, допустим, выслушать человека, если даже у нас какие-то другие дела, но мы наши дела откладываем, потому что тот человек нуждается в общении. Мы с ним посидели, мы пожертвовали ему десять, двадцать минут, час – это тоже жертва, это тоже знак нашей любви. А если мы не имеем любви к нему, мы можем сказать: знаешь, дорогой, это очень интересно, что ты говоришь, но у меня есть дела, мне нужно срочно идти, меня вызывают – даже если нас никто не вызывает, а просто нам не хочется тратить зря свое время, а пойти и заниматься своими делами. Это даже на таких мелочах работает. Тем более, когда чем выше, чем более значимо для нас самих то, от чего мы отказываемся ради того, кого мы любим, тем выше наша любовь.

– Согласна целиком и полностью. Просто в светской среде всегда кажется, что православие такое мрачное, она такое вот, у вас там одни запреты, все так тяжело и нехорошо, а вот посмотрите, как у буддистов… Или там зайдешь в какой-нибудь магазин типа «Путь к себе» – там все такие блаженненькие, как там все хорошо… Но через какое-то время понимаешь, что все это поверхностно и лишено какой-то внутренней наполненности, что ли. Собственно, так оно и получилось, что я постепенно-постепенно перестала бояться – бояться жить, бояться доверять. И это тоже очень важно, когда ты живешь и просто доверяешь Богу, чтобы с тобой ни случилось плохое или хорошее. Жизнь обретает смысл даже в тех проявлениях, в тех событиях, которые могут оказаться со стороны достаточно тяжелыми, горестными. Но ты понимаешь, что это все не просто так, что Бог с тобой, Он тебя держит за правую твою руку и помогает тебе. И это самое важное ощущение вот этой внутренней свободы, ради которой хочется, на самом деле, от всего внешнего отказаться.

– Да, это важно. Почему происходит вот эта, как раз, наполненность смыслом жизни – потому что вся жизнь начинает восприниматься как диалог с Богом. Когда ты понимаешь, что то, что происходит в твоей жизни, и большое, и малое, – что это не просто случилось. Допустим, когда человек без веры, конечно, он постарается найти

себе какой-то смысл, что вот мой смысл сделать что-нибудь значимое: оставить потомство, или посадить дерево, построить дом, или, может, написать книгу, или, может быть, добиться успеха какого-то. Какой-то смысл он придумывает. Но получается, что только в этом у него смысл есть, а 95 % в его остальной жизни – это просто балласт, это что-то бессмысленное. А в случае человека верующего нет бессмысленных событий. Это не значит, что все они равновеликие. Конечно, какие-то более значимые, как такие маяки по жизни нашей остаются, какие-то менее значимые, но все Господь посылает в нашу жизнь, желая нам что-то через это сказать. Каждую ситуацию, даже незначительную, Господь послал для того, чтобы мы могли использовать ее, чтобы прийти к Нему, чтобы исправить в нас что-либо. Святые отцы говорят: кто просит смирения – это значит, что Бог отвечает на его молитву, посылая к нему человека, который его смирит, который может грубо с ним будет обращаться, через что этот человек и сможет получить смирение. А не так, что он сидел: так, пять минут назад я был не смиренный, а сейчас я уже стал смиренный! То есть вся жизнь становится таким диалогом с Богом, и через это все события наши обретают смысл.

– Да, именно так. И мне хочется сказать ещё о том, что Господь все, что мне хотелось из каких-то таких временных желаний – Он мне все дал. И вот это ощущение, что мне ведь Господь все дал – почему же я не могу Ему что-то отдать взамен, – оно как-то очень ярко присутствовало в моей жизни. То есть я хотела это – и у меня это есть, я хотела то – и у меня это есть. Причем очень быстро, причем в такой полноте своей. Люди к этому стремятся долго, годами, а у меня вот раз – и есть. И когда вот этот набор таких желаний заканчивается, то ты понимаешь, что, собственно, – и всё. А что вот это, оказывается, и был смысл моей жизни, но слава Богу, что я это все получила, а если бы это растянулось на лет пятьдесят, то что тогда? И вот тогда понимаешь, что значит есть что-то большее, есть какие-то другие желания, более высокие, к которым нужно стремиться. И тогда вот Господь меня потихонечку вот так повел. Плюс мне очень хочется сказать: я работаю еще на светской работе, и очень часто приходится слышать какие-то нелестные отзывы в адрес священнослужителей, работников церковных. И я могу сказать абсолютно другой, скажем, пример. Ведь как Господь познается: ты ведь не сразу Его можешь принять – через людей. И я увидела такие замечательные примеры именно в церкви, именно верующих людей, священнослужителей. Ты придешь, и не сразу это тебе раскроется, но именно постепенно-постепенно поступки людей сами говорят за себя, не слова, и ты понимаешь, что люди поступают красиво. Красиво, высоконравственно, и это потому, что у них есть Бог, у них есть какой-то ориентир в жизни, пример, на который они равняются. Может быть, по разному у всех получается, но он есть. И какой бы ты ни был, это очень важно, на кого-то равняешься. Потому что ты можешь быть очень хорошим, но если ты не пытаешься для чего-то дотянуться, то дальше и не пойдешь. И через таких людей ты тоже каким-то образом приходишь к Богу. Ты понимаешь, что люди живут как-то по-другому: семьи у них крепкие, они прощают, они любят по-другому, и это тоже важно. Почему-то очень часто людям, которые очень редко приходят в церковь, потом сразу режет глаза то, что им там не так ответили. У меня были другие примеры, я как-то увидела что-то другое, и это был такой достаточно решающий шаг, чтобы я оставила светскую работу и работала только в церкви. Я сейчас об этом совершенно не жалею. За это время произошло такое духовное становление, когда ты уже становишься крепче и уже можешь перенести какие-то внешние негативные воздействия, которые раньше возможно, ты бы не принял, потому что ты еще слаб в вере.

– Хотел бы вернуться немножко к началу нашей беседы. Некоторые люди, которые как раз из Дагестана, из других мест, которые традиционно не исповедуют в настоящее время большей частью христианство, испытывают некоторый такой внутренний комплекс, что им интересны христианство, а с другой стороны, есть

какой-то страх о том, что ну как же, я буду один такой из своего народа выделяющийся, не как все. Я понял по Вашему рассказу, что Вы уже с детства были защищены от такого рода страхов, Вы уже с детства были достаточно независимы. Но тем не менее, что касается вашего народа: доводилось ли Вам слышать еще о православных рутулах, или, может быть, о какой-то христианской предыстории?

– Вы знаете, у меня есть даже знакомые женщины, которые тяготеют, но вот этот такой предрассудок, что православие – это религия русских, наверное, довлеет над их умами, над их сознанием, и это не дает им идти дальше.

– Давайте здесь сразу как раз ответим на этот вопрос. Вы за время Вашей церковной жизни испытывали ли в церкви какую-то, не то чтобы дискриминацию, но что вам сказали: вот знаешь, подожди в сторонке, сейчас мы сначала поисповедуем русских, а потом всех остальных, или причастим сначала русских, а потом всех остальных?

– Никогда такого не было, и никогда национальный вопрос не стоял в церкви лично для меня. То, что мы все во Христе едины – это была какая-то непреложная истина, и никогда я не испытывала на себе каких-то таких моментов. Но тут, к сожалению, есть такой момент в провинциях, когда люди вот так считают. В большинстве это еще от того, что люди не знают своей веры. Даже люди православные, скажем, в том же Дагестане, люди, которые считают себя православными – ведь по сути, они веры своей не знают, они не знают Символа веры, они не знают каких-то основополагающих истин православных христиан. Вера им досталась просто как-то по наследству, и они сами считают, что вот это религия – вера наших предков, они могут и на Пасху ходить на кладбище. Мне кажется, вот этот момент тоже достаточно такой камень преткновения, чтобы люди не русские приходили в православие. Потому что им не проповедуют, им не рассказывают о том, что такое православие. У меня, наверное, просто такой очень удачный случай. Отец Алексей, видя такую мою пытливость, меня отправил учиться, я училась у Димитрия (Першина) на миссионерских епархиальных курсах, то есть постепенно, помимо того, что я пришла в церковь сердцем, я еще и стала изучать основы своей веры, и тогда уже вот такие моменты притеснения со стороны… Приедешь в Дагестан: а у тебя религия русских, мне даже брат мог позвонить и такое сказать. Но когда ты уже знаешь, во что ты веруешь, такие моменты тебя совершенно не смущают. И даже был такой момент, когда у меня отец лежал в больнице в Махачкале. Так получилось, что в палате с ним лежал вот такой правоверный мусульманин, и вот он узнал, что я православная, мне так категорично хотелось отметить, что нет, я не мусульманка. Он решил провести со мной такие вот вероучительные беседы, но после трех-пяти дней он понял, что все это бесполезно. Он учился в медресе, тоже знает свою веру, стал что то рассказывать. После чего, видя мою подготовку, он понял, что совершенно бесполезно что-то говорить, и у него было такое лёгкое недоумение, что человек знает свою веру. Он, наверное, с этим не встречался, и это тоже говорит о том, что люди православные не всегда просто знают, во что они веруют, что они исповедуют, и это их может в какой-то момент подвести.

– Слава Богу, конечно, что в Вашем случае не остановилось все на такой эмоциональной вере, но и перешло в интеллектуальное наполнение. Потому что иногда бывает, в том числе и у женщин, может быть, даже в большей части, что они приходят через какое-то или эмоциональное чувство, или какое-то даже внутреннее озарение. Это хорошо, это правильно. Но на этом не стоит останавливаться. Потому что не только для чувства, но и для разума в православии есть просто невообразимые перспективы для того, чтобы совершенствоваться, углубляться и постигать те тайны Божии.

– В моем случае это было, наверное, даже невозможно, имея среду мусульманскую. Ты

понимаешь, что чтобы тебя не сломили, ты должен быть хорошо подкован, должен знать, во что ты веруешь, чтобы каждому вопрошающему дать отчет о своем уповании. И тогда, действительно, Господь тебе помогает, Он тебя научает, где сказать, что сказать, как сказать. И люди, которые даже с иронией к этому могли относиться или скептично, потом меняют свое мнение. Тот же мусульманин готов был уже как-то сдать позиции, то есть он перестал пытаться в чем-то меня переубеждать, понимая, что я и в Писании что-то знаю, могу на что-то ответить и понимаю, именно понимаю, осознаю, во что я верую. Это не просто акт доброй воли. Потому что многие считают, видя, что человек все-таки меняется, придя в церковь, он понимает, что ты не можешь в церкви быть хорошим, добрым, пытаться стяжать добродетели христианские, выйти и жить по-другому. Это невозможно, это начинает наполнять абсолютно всю твою жизнь. И вот какое-то смирение, может быть, в том, что ты не споришь, никого не убеждаешь ни в чем – просто исповедуешь то, во что ты веруешь, – люди зачастую воспринимают это, как просто «ну добренькая, хорошая девочка, просто она не туда пошла, надо ее научить истине». И вот тут они натыкаются на что-то очень твердое и крепкое, понимая, что за внешней мягкостью стоит очень твердая вера и убежденность. И у них это вызывает, наверное, какой-то интерес. Таким образом вот те знакомые, которые как-то очень негативно относились, с иронией, они перестали к этому так относиться.

– Спасибо большое за Ваш рассказ. Я напоминаю, что наши зрители могут писать свои вопросы, замечания, дополнения на наш электронный адрес. Помощи Божией всем, желаю каждому найти свой путь к Богу. Храни вас Господь.

Ведущий – иерей Георгий Максимов

Гость – Сусанна, сотрудник синодального отдела по делам молодёжи РПЦ

Видео-источник: Телеканал СПАС

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/way

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch